

3.3. МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК МЕТОД ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СВОЙСТВ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В историографии параллельно с возрождением традиции осмысления менталитета в историко-психологическом плане и с помощью конкретно-исторических методов, то есть описания его структуры и проявлений в материальной и духовной жизни общества, оттачивался аналитический инструментарий для объяснения, каким образом эмоции, сопровождавшие исторические события, вытеснялись в глубины психики и затем оказывали обратное воздействие на индивидуальное и общественное сознание.

Многие учёные выделяли психологическое пространство, где осуществляется указанный взаимопереход, как зону функционирования ментальностей¹. В научном сообществе периодически обсуждаемой темой стал предмет истории ментальностей, призванной, как заключили в своё время авторитеты из школы «Анналов», совместно с другими отраслями исторических знаний обеспечивать стереоскопическое видение сюжетов прошлого путём сопоставления «внешней» точки зрения, обусловленной современной системой знаний, – с «внутренней», присущей людям изучаемой эпохи².

Отмечалось, что в различные периоды жизни в связи с адаптацией к меняющейся окружающей среде корректируются свойства психики человека, предопределяющие, в свою очередь, установки мышления и поведения³. В развитие этих идей, а также идей В. Дильтея придать психологизму статус важнейшего принципа методологии гуманитарных наук, и П. Н. Милюкова, считавшего психологию человека конечной

¹ Визгин В. П. Указ. соч. – С. 176.

² Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии. – С. 87.

³ См.: Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. – СПб.: Питер, 2005. – С. 14 - 107.

основной клеткой исторического анализа¹, ставился вопрос о ментальном измерении истории как методе исторического познания².

Указанную позицию изначально разделили и российские исследователи, сосредоточившиеся как на изучении ментальностей исторических периодов и отдельных социальных групп³,

¹ Философия истории: Учеб. пособие / Под ред. проф. А. С. Панарина. – С. 94.

² Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. – 1995. – № 7. – С. 154; Кусов В. Г. Указ. соч. – С. 134; Розин В. М. Смысл русской ментальности и духовности // Философские науки. – 2010. – № 3. – С. 33 - 41.

³ См.: Бороноев А. О. Сибирский менталитет: содержание и актуальность исследования // Проблемы сибирской ментальности / Под общ. ред. А. О. Бороноева. – СПб.: Астерион, 2004. – С. 26 - 33; Бушмаков А. В. Указ. соч. ; Верченко Е. П. Типологический анализ менталитета граждан России и США в сфере делового общения (философско-культурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2006. – 26 с.; Вилков А. А. Указ. соч.; Волгаева Т. А. Менталитет мордовского этноса: истоки и сущность (историко-культурологический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2007. – 25 с.; Глузман С. А. Ментальное пространство России. – М.: Издательство: Алетейя, 2010. – 336 с.; Грабельных Т. И. Концепция ментальности в закрытых социальных пространствах. – М.: Прометей, 2000. – 285 с.; Дедюлина М. А. Социоприродные и социокультурные основания кратического менталитета: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 1998. – 26 с.; Дигусарова М. Ю. Ментальные основания трансформации организационных структур в современной России: дис. ... канд. социол. наук. – Владивосток, 2005. – 205 с.; Заманова Л. Б. Политический менталитет студенческой молодёжи республики Башкортостана на современном этапе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Уфа, 2006. – 22 с.; Егоров В. В. Наглядные образы в формировании менталитета общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2003. – 36 с.; Ефремова Ж. Д. Формирование и функционирование менталитета населения малого провинциального города: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2006. – 248 с.; Жаркой М. Э. Карательная ментальность России: истоки и пути формирования. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. – 124 с.; Кижаяева Т. А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006. – 23 с.; Коваленко Т. А. Менталитет русского дворянства в контексте культуры середины XVIII века: дис. ... канд. культурологии. – М., 1999. – 202 с.; Кожевин В. Л. Указ. соч.; Лямин С. К. Указ. соч.; Марцинковская Т. Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. – М.: Блиц, 1994. – 155 с.; Романченко С. Н. Менталитет российской армии: классическая парадигма и современность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2000. – 22

так и на инструментарии выделения и описания их феномена¹. Как нам представляется, состояние разработанности второго направления в целом предопределяло комплектацию теоретико-аналитического аппарата, требуемого для развития первого направления. Учёные в целях уточнения трудноуловимых границ ментальности переходили в более пластичное междисциплинарное языковое пространство, где в качестве равноправных использовались категориальные ряды психологии (установки, стереотипы как неосознаваемые автоматизмы ощущения и восприятия), философии жизни (мироощущение, мировосприятие, миропонимание и другие), культурологии (ценностные ориентации, ценности) и другие.

Актуальность проведения историографического анализа методологической составляющей трудов по ментальной тематике обусловлена необходимостью выявления направлений и результативности осуществлявшейся перестройки исторического знания о цивилизации в условиях активного распространения практики реинтерпретации истории России на основе обновляемых процедур работы с источниками. С одной стороны, в арсенале учёных отсутствовали метрические или иные способы фиксации ментальности, с другой – антропологический и нео-(постне) классический повороты в социально-гуманитарных науках, тенденция к развитию междисциплинарных исследований предоставляли почву для разработки

с.; Орлова Г. А. Российская бюрократическая ментальность, 1801–1917 гг.: дис. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 160 с.; Поршнева О. С. Указ. соч.; Пушкарёв Л. Н. Менталитет русского общества на рубеже XVI–XVII веков. (Эпоха смуты) // Мировосприятие и самосознание русского общества. – Вып. 4. Ментальность в эпохи потрясений и преобразований / Отв. ред. А. А. Горский. – М.: ИРИ РАН, 2003. – С. 11 - 22 и другие.

¹ Кукарцева М. А. Метод исторической ментальности в контексте философии истории // Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов научной конференции, Москва, 29-31 октября, 1996 г. / Отв. ред. А. А. Горский. – М.: ИРИ РАН, 1996. С. 10 - 13; Семёнова М. Н. Ментальные репрезентации времени и пространства: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.

приёмов получения косвенных свидетельств о влиянии компонентов подсознания на коллективное поведение.

Проблема актуализировалась в связи с отсутствием чётких представлений о природе ментальностей, их месте в общей структуре психики. Ещё не были преодолены путаница с менталитетом и неоправданное умножение смыслов, возникавшие при употреблении указанного понятия в широком спектре контекстов. К примеру, на уровне диссертационных исследований изучались аспекты правовой и экологической ментальностей, хотя, по существу, речь шла о практике соблюдения (нарушения) установленных норм, этических правил или о неоправданном возведении в статус основополагающих ситуативного мышления в конкретном виде деятельности¹.

Поднимая проблему ментальности как метода историко-психологической реконструкции свойств российской цивилизации, обществоведы подходили к её решению двумя взаимодополняющими способами, а именно:

- через определение ментальности с манифестацией её структуры;
- посредством выделения элементов инструментальной оснастки ментальности как метода-действия, нацеленного на выявление скрытых от непосредственного наблюдения психологических свойств, общих для членов больших социальных групп.

«План содержания» ментальностей:

определение методологического потенциала

Современное понимание проблемы метода инициирует постановку перед историографическими источниками ряда вопросов, призванных раскрыть представления авторов о ментальности как инструменте познания исторической реальности, а именно: кто или что, по какой причине был отнесён к носите-

¹ См.: Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России: Введение в общую теорию. – Саратов: СЮИ, 2001. – 295 с.; Довлекаева О. В. Указ. соч.; Меньяло Д. В. Указ. соч.; Шатковская Т. В. Указ. соч.; Шумейко А. А. Указ. соч.

лям ментальности? Каким образом представлялась структура ментальности, и могла ли её системность в том или ином авторском прочтении быть признанной адекватной представляемым особенностям российских реалий и выступать в роли объясняющего фактора? Какие использовались методики для изучения ментальностей?

Подчёркивая характерный для семиотики поиск в источниках «плана содержания», А. Я. Гуревич имел в виду выделение смыслов того уровня сознания, о котором, возможно, не догадывались и сами авторы. Учёный первым в отечественной историографии функционально определил ментальность как метод реконструкции системы образов той или иной исторической эпохи, которые в своё время присутствовали в головах её представителей, являлись активными регуляторами осознаваемых процессов и вслед за Р. Рэдфилдом были обозначены А. Я. Гуревичем как «картины мира». Первой проблемой любого исторического исследования он называл построение предварительной рабочей модели ментальности рассматриваемой эпохи, на фундаменте которой возможно изучение собственно темы¹. К неявным ориентациям, характеризующим «картины мира» и являющимся её элементами были отнесены следующие автоматизмы: стереотипы поведения и речи, жестов, обычаи, умственные привычки, объединяемые одним важным признаком – неосознанностью или неполной осознанностью.

Чтобы показать гибкость и объёмность содержания ключевого понятия, автором вёлся поиск выражений, уточнявших его смыслы, как, например: «духовный инструментарий», «умственная (психологическая) оснастка», «склад ума», «установки сознания», «стереотипы настроения», «потаянные зоны со-

¹ Гуревич А. Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1993. – С. 20.

знания», «автоматизмы и привычки сознания»¹. Ментальность, согласно А. Я. Гуревичу, это «социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, не отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи на уровне ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определяется социальной средой; восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает»². Таким образом, согласно автору, ментальности не тождественны миру идей, идеологии, материальной жизни, демографии, быту и другим сферам деятельности человека.

Понимание Арном Яковлевичем их «неполной осознанности» дополнительно расшифровывалось с помощью таких фразеологических оборотов, как: «невольные», «не отфильтрованные и не рецензируемые послания людей прошлых эпох»; «проговорки эпохи о самой себе, о своих «секретах»; «лишенные логики умственные образы»³. Динамичность ментальности подчёркивалась присущим её свойством видоизменяться со временем и не быть однородной внутри общества.

В методологии истории начала 1990-х гг. вышеназванные идеи, несомненно, являлись новаторскими и подсказывали дополнительные возможности повышения информативности источников. Так, автор историю ментальностей отождествлял с исторической антропологией, не соглашаясь с Ж. Ле Гоффом об

¹ Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология. – С. 56 – 57; Гуревич А. Я. Изучение ментальностей // Советская этнография. – 1988. – № 6. – С. 16; Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии. – С. 75.

² Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии // Одиссей. Человек в истории. 1989. – М.: Наука, 1989. – С. 115.

³ Гуревич А. Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции. Послесловие к книге Ле Гоффа Ж. «Цивилизация Средневекового Запада». – Екатеринбург, 2005. – С. 353.

ограничении её сферы изучением проявлений автоматических форм сознания и поведения¹. В поиске конкретизирующих понятий внимание учёного привлекали различной природы явления: жесты – из области неосознаваемой моторики движений тела, обычаи – как осознаваемые автоматизмы, умственные привычки – при широком диапазоне их понимания и другие, поэтому без чёткого определения своей структуры ментальность не выглядела сложившимся методом исследования.

В первой половине 1990-х гг. новизну и содержательность теоретических разработок А. Я. Гуревича отмечали философы², его отдельные умозаключения были использованы Л. Н. Пушкарёвым для написания ряда аналитических статей о менталитете (ментальности)³. В дальнейшем идеи Арона Яковлевича получили развитие в трудах этнолога С. В. Лурье, сопоставившей между собой понятия «картина мира» и ментальность. Утверждалось, что «этническая картина мира – это сформировавшиеся на основании этнических констант, с одной стороны, и ценностных доминант – с другой, представления человека о мире – отчасти осознаваемые, отчасти, бессознательные»⁴. Ис-

¹ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – С. 297 - 298; Кром М. М. Арон Яковлевич Гуревич и антропологический поворот в исторической науке // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 81. – С. 226 - 228.

² Жидков В. С., Соколов К. Б. Десять веков российской ментальности. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 34 - 37; Российская ментальность (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 1994. – №. 1. – С. 51.

³ См.: Пушкарёв Л., Пушкарёва Н. История ментальностей (менталитета) [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». – URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010513/1010513a1.htm> (дата обращения 09.10.2010); Пушкарёв Л. Н. Что такое менталитет? Исторические заметки. – С. 158 - 166.

⁴ Лурье С. В. Указ. соч. – С. 228. Согласно С. В. Лурье, этнические константы – бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде. Ценностные ориентации (доминанты), рассматриваемые как цель действия, могут меняться и являются результатом свободного выбора людей. (Там же. – С. 208 - 228).

следовательница определила последовательность вытеснения психических эффектов деятельности индивидуума в область бессознательного и возвратного их влияния (уже в виде констант) на мышление и поведение человека и его социальных групп, описанную по формуле «стимул – установка – реакция» при активной роли в этом процессе механизмов психологической защиты и неосознаваемых установок. Ментальности связывались с функционированием социальных групп, с регулирующим воздействием констант, а картина мира – с видением мироздания, характерным для средневекового сознания, с представлениями людей о самих себе и своих действиях¹.

Этот тонкий нюанс о неравнозначности двух ключевых понятий, по существу, разделял предметы их ведения. Дважды допущенное в дефиницию наречие «отчасти», вносящее на первый взгляд элемент неопределённости, подчёркивало существовавшую проблему недостаточной изученности предсознания, где и происходят вышеназванные взаимопереходы. Фрагментарность и приблизительность представлений о взаимодействии между компонентами бессознательного и осознанного свидетельствовали о том, что совершенствование аналитики в этой области знаний сохраняло за собой статус актуальной задачи для теоретической психологии и пограничных с ней дисциплин.

Изучение ментальностей приобрело междисциплинарное значение и стало объектом для множества концепций и подходов. Некоторые учёные отождествляли менталитет и ментальность, не всегда эта принципиальная позиция объяснялась, проговаривалась в текстах и, как правило, недостаточно учитывалась в последующих историографических обзорах. Поэтому накопленный опыт анализа смыслового пространства понятия

¹ Лурье С. В. Изучение этнической картины мира как интердисциплинарная проблема. [Электронный ресурс] – URL: <http://ethnopsychology.narod.ru/svlourie/articles/interdisciplinary.htm> (дата обращения 23.10.2011).

ментальности¹ не отличался стерильностью в учёте типологических особенностей историографических фактов. В этом случае репрезентативными являлись дефиниции, аккумулировавшие итоги или исходные установки авторских изысканий. Выстраивая их в порядке предметной принадлежности, рассмотрим встреченные там смыслы как своеобразные рубежи осознания проблемы ментальности-метода.

Так, в работах философов, отличавшихся метафоричностью, в целях описания предмета исследования использовались три способа её определения.

В первом случае, следуя идеям А. Я. Гуревича, ментальность понималась как «совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом» (Ф. Т. Аутлева, В. П. Визгин, С. В. Гринёва)². При логической завершённости дефиниции, построенной исключительно на философской аналитике, в содержательном плане речь шла об установках, которые, например, у С. В. Гринёвой выступали в виде некоего «фона» восприятия индивидуумом явлений и отношения к ним³. Незавершённая конкретизация указанного «фона» не открывала ему перспектив в таком виде быть использованным в прикладных исторических исследованиях проблемы ментальностей.

¹ См.: Воробьёва М. В. Указ. соч.; Елфимова М. М. Психологический анализ проблемы ментально-культурного взаимодействия [Электронный ресурс] // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2010. – № 1. – URL: <http://www.psyanima.ru/journal/2010/1/index.php> (дата обращения 25.10.2011); Кусов В. Г. Указ. соч. – С. 132–135; Шенкао М. А. Основы философской танатологии. – Черкесск: КЧТИ, 2002. – С. 15 - 37 и другие.

² Визгин В. П. Указ. соч. – С. 176; Аутлева Ф. Т. Ценностно-нормативные ориентиры русской ментальности: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. – М., 1996. – С. 21 - 22; Гринёва С. В. Менталитет и ментальность современной России. – Невинномысск: СевКавГТУ: Невинномыс. техн. ин-т, 2003. – С. 40 - 41.

³ Гринёва С. В. Менталитет и ментальность современной России. – С. 22.

Второй способ заключался в представлении ментальности в виде объединяющего начала в широком значении, как «выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, как некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах» (И. К. Пантин)¹. Доминирование риторических фигур подчёркивало важность проблемы, но исчерпывающе не раскрывало возможности её познавательного потенциала.

Третий способ определения ментальности акцентировал внимание на совокупности бессознательных комплексов, ответственных за психологическую адаптацию социума к природной и сложившейся социальной средам (В. В. Бабаянц, М. М. Бетильмерзаева, О. Н. Стрельник, М. А. Шенкао)². Присутствовавший в философских рассуждениях контекст междисциплинарности опирался на привлечённые несистематизированные сведения о доминирующей роли психических процессов, состояний и свойств в социогенезе. Дефиниции этой группы отличались сложной структурой, элементы которой взаимно дополняли и уточняли вложенные в них смыслы.

Так, по М. А. Шенкао, ментальность – «это стереотипы, установки людей, это умонастроения масс, безмолствующего большинства; это особое нерелексированное, неочищенное мировидение; это эмоции, идеалы, ценности этноса, это неофициальное, непроговариваемое «сознание при себе»; это своя правда. Создается ментальность на границе сознательного и бессознательного, как интуитивная симпатия народа, и она может проявить себя, «проговориться» через установки и стереотипы традиций, обычаев, как символы»³. Согласно М. М. Бетильмерзаевой, это «коллективно-личностное образо-

¹ Российская ментальность (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 1994. – №. 1. – С. 30.

² Бабаянц В. В. Межкультурное общение: некоторые аспекты коммуникативных барьеров // Научные труды СевКавГТУ: серия «Гуманитарные науки» (Ставрополь). – 2003. – Вып. 8. – С. 181; Стрельник О. Н. Указ. соч. – С. 176, 208.

³ Шенкао М. А. Указ. соч. – С. 37.

вание представляет собой устойчивые духовные ценности, глубинные установки, навыки, автоматизмы, латентные привычки, долговременные стереотипы, рассматриваемые в определенных пространственно-временных границах, являющиеся основой поведения, образа жизни и осознанного восприятия тех или иных явлений действительности... Структуру ментальности образует «картина мира», «стиль мышления» и «кодекс поведения»¹.

В отличие от лаконичных дефиниций первой группы, процитированные выше авторы выстраивали определения из композиции ранее выявленных коллегами элементов, которые, по их мнению, имели прямое и опосредованное отношение к ментальности, выделяя при этом ключевое значение некоторых важных свойств, а именно: её отношение к природе неосознаваемого, как личностного, так и коллективного. Некоторую системность в понимание проблемы предложил социолог Е. Я. Таршис, интерпретировавший ментальность в виде функциональной системы сознания индивида, у которой структура «представляет собой текст, образуемый из двух классов единиц: структурно-функциональных и образных. Единицы первого класса служат средством для существования, передачи, хранения единиц второго класса»².

Как видим, адепты вышеперечисленных дефиниций, благодаря привлечению естественно-научных идей и понятий, представлению ментальности в различных ракурсах: как совокупности установок, как объединяющее социум начало и результат процесса психологической адаптации, существенно расширили аналитический инструментарий её историко-философского осмысления. Тем не менее постановка проблемы выявления методологического потенциала понятия ментальности в границах социальной философии не получила окончательных и ясных решений, не избавилась от расплывчатости

¹ Бетильмерзаева М. М. Указ. соч. – С. 31, 33.

² Таршис Е. Я. Указ. соч. – С. 41.

несистематизированных смыслов ряда описывающих её понятий. В противном случае в этой группе научного сообщества уже в 2011 году были бы не возможны интенции, подобно высказанной в докторской диссертации И. В. Емелькиной, утверждавшей, что ментальность – это понятие не строго научное, а менталитет – проблема преимущественно научная¹.

«План содержания» ментальностей наполнялся конкретикой в исследованиях психологов, представлявших ключевое понятие в трёх ракурсах. В первом случае – в виде мотивов, ценностных ориентаций, социальных установок личности, способов восприятия, манеры чувствовать и думать, которые, говоря словами Е. В. Гончаровой и Д. В. Обориной, выражают повседневный облик неотрефлексированного и несистематизированного коллективного сознания, определяющие выбор того или иного способа поведения². Во втором случае, как полагали Г. В. Акопов, Т. В. Иванова и Т. К. Рулина, надо говорить об осознаваемом уровне группового сознания, проявляющемся в этническом и в пространственно-временном контексте³. В третьем случае ментальность изучалась через призму социального мышления личности⁴, так как считалось, что на этом уровне она «становится активной силой, способной к самотрансфор-

¹ Емелькина И. В. Российский менталитет: Сущность, объём понятия и социальная роль: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2011. – С. 24.

² Гончарова Е. В. Мотивационный компонент в структуре ментальности личности: дис. ... канд. психол. наук. – Хабаровск, 2005. – С. 46 - 47; Оборина Д. В. Становление профессиональной ментальности педагогов и психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1992. – С. 4, 6.

³ Акопов Г. В., Рулина Т. К., Привалова В. М. Менталистика как историко-психологическое направление науки // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2006. – С. 455; Семёнова Т. В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Казань, 2007. – С. 16.

⁴ Абульханова К. А. Российский менталитет: кросскультурный и типологический подходы. Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – С. 7 - 8.

мации и трансформации окружающего мира, изменению культурных оснований жизнедеятельности общества»¹.

Геометрия модели ментальности, представленная В. И. Пищик в виде сферической композиции, включила «надсистемы (религия, этнос и социум), подсистемы (образа мира и жизни) и ядерные структуры (значения, смыслы и ценности), периферические структуры (социально-психологические характеристики – ценностные ориентации, социальные установки, Я-концепция, социальные представления, форма дискурса, особенности взаимодействия и отношений)»². Специфический механизм трансформации ментальности поколений действует, по мнению автора, благодаря согласованию/рассогласованию всех её составляющих. Предполагается, что он запускается через смену доминирующей надсистемы, стимулирующей изменения всего вышеперечисленного ценностно-смыслового комплекса, заключённого в структурах ядра, периферии и подсистемы.

Следует отметить, что представленная конструкция ментальности вобрала в себя достижения по разработке данной проблемы, почерпнутые из работ психологов, были учтены идеи философов и историков о факторной обусловленности психологических процессов, которые в совокупности были синтезированы автором в социологическом контексте. Если следовать общей типологии психики, в предложенную структуру вошли атрибуты исключительно осознаваемого уровня, при этом, за скобками осталось изучение психофизиологической природы феномена, также имеющей отношение к обеспечению преемственных связей между ментальностями поколений.

В другой области знаний – исторической психологии, ментальность рассматривалась как способ измерения сущности социальных групп в той или иной исторической эпохе. По мне-

¹ Еромасова А. А. Философия и психология: российская ментальность. – С. 14 - 15.

² Пищик В. И. Психология трансформации ментальности поколений: автореф. дис. ... д-ра психолог. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 8, 28.

нию В. А. Шкуратова, она должна рассматриваться как содержание исторической эпохи, запечатлённой в образах, представлениях, понятиях, а психика, включая уровни осознанного и подсознательного, является лишь процессом восприятия этого материала. Таким образом, ментальность описывает человеческую активность только в контексте определенного исторического материала. При отбрасывании этого материала термин превращается в обыденное словоупотребление или становится еще одним обозначением психики, сознания, деятельности. Как видим, автор выделял специфику ментальности через обозначение её отличий в сравнении с психикой. Так, утверждалось, что психика индивидуализирована и образует структуру, ментальность – нет. Первая «описывается в субординированных, более или менее однозначных понятиях, ментальность – в синонимах со смысловыми различиями, но плохо дифференцированных по значению»¹.

В рассуждениях исследователя можно уловить несколько волновавших его вопросов, а именно: о соотношении ментальностей с психическими процессами вообще и с уровнем бессознательного в частности; о роли коллективного и индивидуального уровней психики в трансляции ментальности; и возможно ли с помощью структуры психики выразить системность ментальностей. Как показывают рассмотренные выше историографические факты, неравнозначные ответы на них, которые давали историки и представители других социально-гуманитарных наук, нуждались в дальнейшем обосновании, но в системе исторического знания существенно расширяли диапазон историко-психологического осмысления сущности российской цивилизации.

Фиксация как коллективных, так и индивидуальных форм проявлений ментальности и дисциплинарные приоритеты разделили учёных во мнении по поводу определения субъекта – её носителя. Как видим, в условиях использования разнообразных

¹ Шкуратов В. А. Указ. соч. – С. 120 - 121.

ракурсов познания психологического портрета исторической эпохи эта роль отдавалась сознанию индивидуума (Е. Я. Таршис), мыслящей личности (К. А. Абульханова), коллективному подсознанию (О. Н. Стрельник), групповому сознанию (Т. В. Семёнова (Иванова), индивиду и социальной группе (Ф. Т. Аутлева), то есть различным в родовидовом отношении агентам.

Для установления ясности в этой на первый взгляд противоречивой ситуации, возникшей на почве несовпадающих исследовательских подходов, обратимся непосредственно к предлагаемым в историографии методам реконструкции ментальностей.

Методы реконструкции ментальностей

Метод как способ достижения поставленной цели неизбежно опирается на систему знаний, характеризующих область научных поисков. Реконструкция плана выражения ментальностей предполагает опознание их внешних проявлений во всех сферах жизнедеятельности. В свою очередь, реконструкция плана содержания ментальностей направлена на выделение свойств социальных объектов, обусловленных автоматизмами коллективного бессознательного. В обоих случаях их структурирование, возможность которого отрицалась некоторыми исследователями¹, соотносится: в плане выражения – с архитектурой социальных явлений и психики, в плане содержания – с композицией историко-семиотического пространства эпохи. Указанная конструкция не так проста, если иметь в виду, что в один и тот же период сознание русских, по убеждению Л. И. Шерстовой, «содержало в себе прямо противоположные ментальности в некоем парадоксальном единстве, не замечае-

¹ Там же; Немирович-Данченко П. М. К вопросу о методологии изучения ментальности // Вестник Томского государственного университета. История. – 2008. – № 1. – С. 93.

мом его носителями...»¹ и отразившемся в различных источниках.

Задача реконструкции ментальности решалась исследователями различными способами. Так, в формирующемся инструментарии отечественной исторической психологии и этнопсихологии разрабатывались способы расшифровки психологического подтекста различного рода историко-культурных символов, а именно: через приёмы воссоздания духовного портрета индивидуума по источникам личного происхождения (дневникам, запискам, биографиям и другим); через анализ смыслов жестов, физиогномики, языка, музыкального строя, архитектурных сооружений, образцов изобразительного искусства и других социокультурных форм². Не исключалось применение частотного контент-анализа в оценке информации путём выделения в формализованном виде смысловых единиц текста и замера частоты, объёма упоминания этих единиц по определённым выборкам. Тем самым фиксировалась частота употребления и степень выраженности понятий, суждений, отражавших этнические, профессиональные, религиозные, территориальные особенности мышления, личностные характеристики людей³. А. Д. Барской были разработаны ступени методики их историко-психологической реконструкции, в общем виде повторявшие алгоритм научного исследования, а именно: изучение проблемной области, постановку задач, выбор источниковой базы, обозначение исходных положений и гипотезы, анализ текста, создание описательной психологической модели, формулирование результатов и выводов⁴.

Доминирующий акцент специалистов по социальной психологии на личности обуславливался вниманием к системе

¹ Шерстова Л. И. Указ. соч. – С. 33.

² Пономарёва Л. Н. К вопросу о научных проблемах в исторической психологии [Электронный ресурс] // Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки». – Вып. № 10. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2003 г. – URL: abiturient.ncstu.ru/Science/articles...file_download (дата обращения 3.11.2011).

³ Крысько В. Г. Этническая психология. – С. 298 - 302.

⁴ Барская А. Д. Указ. соч. – С. 93 - 110.

устойчивых ценностей, через которую, как они полагали, и раскрывается ментальность¹. С этой целью проводились кросскультурные исследования с анкетированием респондентов, сообщавших в момент опроса о взглядах, оценках, настроениях, потребностях, убеждениях, склонностях, интересах и других осознаваемых социальных установках, идентифицировавших их принадлежность к той или иной социальной группе². После неоднократного сбора материалов сравнение композиционного расположения выявленных на разные даты обобщений давало основание утверждать о наличии иерархии устойчивых ценностей и векторе трансформации ментальностей.

Не вызывает сомнений, что данный подход был сосредоточен на изучении самого поверхностного и самого изменчивого слоя индивидуального и коллективного сознания, без учёта статистических погрешностей, на долю которых выпадала информация, не поступавшая от респондентов по причине строгой заданности формулировок вопросников и ответов, формального отношения к ответам, нежелания озвучивать внутренние установки сокровенного характера и т.д. Полагаем, подход социальных психологов больше соответствовал задаче выявления косвенных свидетельств ментальностей, искажённых самим актом осмысления и целенаправленным способом получения. Тем не менее он расширял представления о возможных приёмах обнаружения проявлений ментальностей.

Некоторые авторы, симпатизировавшие культурологическим изысканиям, отправной точкой считали изучение традиций, которые рассматривались в качестве форм проявления коллективного бессознательного в символическом простран-

¹ Абульханова К. А., Енакаева Р. Р. Российский менталитет – или игра без правил? (Российско-французские кросскультурные исследования и диалоги) // Российский менталитет. Психология личности, сознание, социальные представления / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской. – М.: Институт психологии РАН, 1996. – С. 11.

² Дубов И. Г. Указ. соч. – С. 23.

стве (мифах, сказках, других формах народного творчества)¹. Например, А. Н. Петров видел ядро ментальности в направленности культуры, состоящей из определённого сочетания этнических традиций, сложившихся в различных слоях той же культуры: производственном, жизнеобеспечивающем (в сфере потребления), соционормативном и познавательном². Исследование ментальности предполагалось в следующей последовательности: выделение традиций, анализ их сочетания в рамках подсистем с обозначением структурных характеристик, последующее обобщение основных направлений развития этих подсистем. В итоге должна быть вычленена совокупность ценностей, установок, стереотипов, особенностей мышления, которые, по мнению автора, «являются средством реализации в пространстве и во времени направленности культуры»³.

В социально-гуманитарных науках методы обнаружения ментальностей базировались, прежде всего, на логических и языковых средствах познания символов изучаемого времени, которые наиболее успешно разрабатывались в семиотике⁴. Своеобразие и родство символов обнаруживалось при сравнении их семантических и семиотических схем, выразивших ментальность и одновременно служивших средством воздействия «коллективной памяти» на индивидуума.

В освещении проблем и подходов к изучению ментальности авторы особое внимание обращали на текст. Например, Е. Я. Таршис призывал учитывать его феноменологический (как факт объективации сознания), коммуникативный (быть посланным и принятым) и содержательный (его актуальная интерпретация) аспекты, рекомендовал использовать неча-

¹ Хлыстова А. Г. Социальная ментальность: сущность, природа, детерминированность: дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2005. – С. 25.

² Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. – С. 34.

³ Там же. – С. 35.

⁴ Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии. – С. 75; Орлов И. Б. Политическая культура России XX века: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 222 с.; Пушкарёв Л., Пушкарёва Н. Указ. соч.

стотную модель контент-анализа содержания, в основу которого положен ориентированный поиск ответов на вопросы: как устроен текст? и почему текст устроен так, а не иначе?¹.

В постановке вопроса об историко-культурных воззрениях людей другого времени А. Я. Гуревич делал акцент не на изучении настроений или легко изменчивых состояний психики, «а на константах, основных представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением»². Историк привёл далеко не полный перечень тем и проблем истории ментальностей, а именно, «восприятие пространства и времени и связанное с ними осознание истории (поступательное развитие или повторение, круговорот, регресс, статика, а не движение, и т.п.); отношение мира земного с миром потусторонним, и соответственно восприятие и переживание смерти; разграничение естественного и сверхъестественного, соотношение духа и материи; установки, касающиеся детства, старости, болезней, семьи, секса, женщины; отношение к природе; оценка общества и его компонентов; понимание соотношения части и целого, индивида и коллектива, степени выделенности личности в социуме или, наоборот, ее поглощенности им; отношение к труду, собственности, богатству и бедности, к разным видам богатства и разным сферам деятельности; установки на новое или на традицию; оценки права и обычая и их роли в жизни общества; понимание власти, господства и подчинения, интерпретация свободы; доступ к разным видам источников и средств хранения и распространения информации, в частности, проблемы соотношения культуры письменной и культуры устной»³.

Этнолог С. В. Лурье выделяла три этапа в изучении этнических (ментальных) констант, выстраиваемых на основе выявления значений и смыслов, которые люди вкладывали в свои слова и поступки в зависимости от конкретных, поставленных

¹ Таршис Е. Я. Указ. соч. – С. 67.

² Гуревич А. Я. Указ. соч. – С. 85 - 86.

³ Там же. – С. 86.

самой жизнью вопросов, исходящих из особенности той или иной жизненной ситуации. На первом этапе необходимо вычленив из идеологических текстов то, что должно относиться к области условий действия и еще в большей степени обоснования, почему данное сообщество считало себя способным к этому действию. Далее, по мнению автора, необходимо исследование народных представлений об истории и политике с выделением наиболее существенных событий, значимых факторов и типичных ситуаций. Затем следует разработка формального инструментария, с помощью которого могут быть описаны особенности культуры, имеющие этническую детерминацию, и возможны кросскультурные исследования. Полученные ответы должны извещать о способе включения выявленных ценностных доминант в этническую картину мира, то есть атрибутом какой сферы реальности они окажутся¹.

Обилие перечисленных составляющих ментальной проблематики являлось фактором, осложнявшим определение контуров системности этой области познания уже в историческом знании, поэтому, соглашаясь с мнением чешского историка Ф. Грауса, некоторые отечественные исследователи считали, что её можно лишь «тестировать», «считывать» по внешним формам проявления².

В указанном подходе «попадание» в содержание ментальностей зависело от авторской интерпретации источников и понимания природы психологических истоков их смыслового поля. Так, М. М. Кром не отмечал различий между менталитетом и ментальностями, не конкретизировал собственное понимание их проявлений на примере исторических сюжетов, однако это не мешало ему незаслуженно упрекать О. С. Поршневу по поводу сделанных действительно ценных наблюдений о проявлениях ментальности военных – участников Первой мировой вой-

¹ Лурье С. В. Историческая этнология. – С. 434 - 439.

² Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И. Указ. соч. – С. 155.

ны¹, обнаруженных в письмах солдат, но, по его мнению, свидетельствовавших лишь о настроениях людей, о сознательном отношении к происходящему, которые не могли считаться «установками сознания»². Иную технику «считывания» на примере формировавшейся на рубеже 1920–1930-х гг. индустриальной ментальности (по тексту – «индустриального менталитета») у строителей Кузнецкого металлургического комбината, использовали А. И. Тимошенко и В. И. Исаев, обратившие внимание на глубокие изменения в структуре и содержании их повседневной жизни, которая стала, по мнению авторов, всецело зависеть от производственной деятельности, «обозначившейся как самое главное в жизни человека»³.

В целях системного анализа отобранных ментальных сюжетов историк И. Ю. Николаева использовала технологию полидисциплинарного синтеза, укомплектованную «на базе концептов и методов, методологически схожих инодисциплинарных подходов, имеющих общий фокус (бессознательное) и комплементарных друг другу, дающей возможность верифицировать получаемые результаты»⁴. Основной путь реконструкции ментальностей виделся ею в исследовании изменчивости установок в системной связи с историческим контекстом⁵, которая не

¹ Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914–март 1918 г.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2000. – С. 241.

² Кром М. М. История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности. – С. 185 - 186.

³ Тимошенко А. И., Исаев В. И. Условия и механизмы формирования «индустриального менталитета» строителей Урало-Кузнецкого комбината. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 2. – С. 31.

⁴ Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. – С. 10.

⁵ Рамазанов С. П. На пути преодоления кризиса исторической науки. Рец. на кн: Николаева И. Ю. О возможности методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. – Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 302 с. // Вестник ВолГУ. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 2. – С.164 - 165; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. – С. 156.

могла быть полностью объяснена рациональными или материальными обстоятельствами.

Автор ввела параметры неосознаваемой установки в процедуру исследования социально-психологического типа и характера Ивана Грозного и других исторических персонажей, что существенно расширяло представления об исторической обстановке изучаемой эпохи в целом и о мотивах поступков ключевых фигур власти в частности¹.

На основании изложенного выше можно утверждать, что исследователи разрабатывали методики реконструкции ментальностей, отдавая предпочтение изучению определённых каналов их трансляции. При этом выделялись как отдельные компоненты плана выражения, включавшие элементы, характеризующие социальные явления и психику, так и плана содержания – в виде выбранной семиотической композиции.

Вместе с тем успешное решение данной проблемы не вышло за пределы ограниченного круга исследователей-одиночек, работавших в пространстве нео-(постне) классической рациональности, моделировавших требуемый методологический инструментарий с помощью комплементарных теорий среднего уровня, разработанных представителями социогуманитарных и естественно-научных дисциплин. Ещё не получили чёткого определения критерии для ментальной идентификации того или иного плана содержания, за которые нередко ошибочно принимались осознаваемые современниками события, смыслы и атрибуты логического мышления. Тем не менее в работах А. Я. Гуревича, В. И. Исаева, И. Ю. Николаевой, А. И. Тимошенко и других историков наметилась перспективная тенденция использования в качестве искомого критерия того или иного варианта сопоставления историко-культурных и психологических выражений ментальности.

¹ Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 51 - 80.

Систематика выражений ментальности в контексте исторического и историко-психологического знания

Представители психологических наук, не отождествляя менталитет с бессознательным уровнем психики в целом, тем не менее некоторые компоненты последнего: неосознаваемые стереотипы и установки – относили к базовым элементам ментальности¹. Обратим внимание на понятие социального стереотипа, за последние два десятилетия получившего многочисленные интерпретации и сложную видовую градацию по направленности: на этнические, динамические, конфессиональные, гендерные, авто- и гетеростереотипы и другие². Нередко авторы в научном плане нестрого употребляли данное понятие в широком диапазоне значений, которые не всегда формулировались. Нередко они ошибочно ассоциировались с осознаваемыми мыслительными и поведенческими автоматизмами: способностями, умениями, навыками, привычками, этикетом, обычаями и традициями.

Общим местом было понимание того, что непосредственное отношение к ментальности имеют коллективные неосознаваемые стереотипы поведения (устойчивые, регулярно повторяющиеся модели поведения в той или иной социокультурной группе, которые зависят от функционирующей в этой группе ценностно-нормативной системы) и сознания (фиксирующие идеальные представления ценностно-нормативной системы,

¹ Асмолов А. Г. Указ. соч. – С. 387; Баязитов Р. Ф. Авторитарный стереотип: сущность и проявления в социальных взаимодействиях. – Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2006. – С. 35.

² См.: Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2006. – 283 с.; Гладких С. В. Этнические стереотипы как феномен духовной культуры: дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2001. – С. 18 - 35; Ковалёв В. В. Аксиологические стереотипы как фактор устойчивости российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 48 с.; Семендяева О. Ю. Стереотип как социальный и социально-психологический феномен: дис. ... канд. филос. наук. – М., 1986. – 194 с.; Суходольская Н. П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2009. – 25 с.

выступающие основой для формирования стереотипов поведения). Названные стереотипы, согласно Р. В. Базинову, представляют собой «жёсткую связь, присущую той или иной социальной группе, между сложившейся в данной группе системой социального взаимодействия и принятой в ней системой взглядов на окружающий мир»¹. Они базируются на таких психологических процессах, как: избирательное внимание, оценка, формирование понятий и категоризация, схематизация, атрибуция, эмоции и память².

Суммируем выводы исследователей, уточнявших историко-культурное и психологическое содержание стереотипов уровня коллективного бессознательного.

1. В совокупности они представляют собой психологический механизм, аккумулирующий и передающий социально значимые представления людей о своей среде, отложившиеся и закрепившиеся в памяти многих поколений в результате неоднократного повторения их порождающих обстоятельств. По происхождению это творение прошлого жизненного опыта взаимодействия социума с внешним окружением и между членами внутри одной этнической общности. В новых исторических условиях его носителями являются социальные группы и отдельные личности, на подсознательном уровне ведомые этим усвоенным психическим наследием.

2. В отличие от архетипов и их образов, стереотипы по своей сути более конкретны тем, что служат информационной основой любого познавательного действия³ и функционально менее друг от друга зависимы, так как каждый в отдельности контролирует менее масштабные предметные пространства коллективной памяти. Занимая промежуточное положение между

¹ Базинов Р. В. Социальные стереотипы: концептуальный аспект: дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 11.

² Мацумото Д. Психология и культура. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – С. 82.

³ Кон И. С. Социологическая психология. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. – С. 281.

уровнем осознанного и врождённым бессознательным, они в детстве неизбежно проникают в психику индивида не в виде генетической наследственности как архетипы, а по многочисленным коммуникативным каналам: через речь, копирование навыков мышления и поведения родителей, бабушек, других нянек, сказки, песни, наблюдение за бытовыми ситуациями, усвоение символов и смыслов, ставших традиционными для народа.

3. Если знания об архетипах для историка являются априорными, обоснование которых заимствуется у представителей психологических наук, и в последующем могут моделироваться с его собственными историко-психологическими или культурологическими изысканиями, то информация о формах проявления неосознаваемых стереотипов может быть обнаружена исследователем непосредственно в источниках путём обработки массива фактов с помощью теоретических методов (сравнения, абстрагирования, обобщения, индукции, дедукции, воображения).

Знание историко-культурных истоков стереотипов, типичных для русских, известных из научной литературы как признаки, идентифицирующие российскую цивилизацию, выделенных по принципу поглощения уже их конкретизирующих народных традиций, обычаев, позволяет историку, ориентирующемуся на сочетание логического мышления с образным, соотнести их с матрицей архетипических образов по принципу наличествующей согласованной направленности (см. таблицу 5). При этом очевидны преобладающие смысловые отношения, связывающие указанные компоненты в единую структуру.

Указанный в таблице список интересующей нас группы автоматизмов безусловно не полный. В него не вошли присутствующие в научной литературе производные понятия, имеющие ситуативное историческое содержание. Так, наряду с коллективизмом, представляющим собирательную модель приоритетов общности поведения людей, упоминаются частные вариации видения коллективизма, например:

Таблица 5.
Структура менталитета русских в проекции **архетипов, архетипических образов и неосознаваемых стереотипов**

Архетипы	Мать - сыра Земля	Великий отец	Эго
Персона (является внешним проявлением того, что мы предъявляем реальности)	Мир (как модель духовного и материального единения людей) коллективизм, этно- и веротерпимость	Образ Вождя сакрализация, авторитарность, иерархичность	Образ Воина-хлебопашца богатыри русских былин, великие полководцы
Самость (архетип целостности и порядка)	Мобилизационный тип развития (как модель оптимального соотношения между потребностями и условиями развития мирского) экстенсивизм, заимствование новаций	Державность (как образ государственной власти) этатизм, патернализм	Душа (как многомерная форма познания сущности внутреннего мира человека) приоритет духовных ценностей над материальными
Договор (архетип возможных отношений)	Правда (высшее воплощение всего положительного) справедливость, двоемыслие	Негласный договор (как модель легитимности власти) служение	Достаток (как мера минимальных индивидуальных потребностей) трудолюбие, «авось»-проблема
Младенец (выражение эмоциональной неуравновешенности и фантазий)	Идеи обращённости в прошлое и будущее мессианизм	«Вручение себя» (как модель связи с сакральным) патронат	Воля (как идея свободы, соединённой с ощущениями простора) идея бунта, безмерность

– общинность – понятие, образованное от названия социального института, предполагающее единение людей на основе территориальных, производственных и религиозных отношений;

– артельность, с нацеленностью на единение индивидуумов по производственному принципу;

– соборность – содержание понятия обычно интерпретиру-

валось через другие понятия: единства (согласия) и свободы (любви), взятые в православно-культурном контексте¹.

Концептуальную нагрузку имели и такие смысловые фигуры, как софийность и всеединство, появившиеся в религиозных учениях русских философов и богословов во второй половине XIX в.

Не менее запутанной выглядит ситуация вокруг стереотипов, идентифицировавших образ русского человека. Нетрудно заметить, что многие из них, например, этатизм, патронат, трудолюбие и другие, характеризуют не одно этническое сообщество. Речь должна идти о том, какое значение они имели в конфигурации ментального менталитета в условиях конкретной исторической обстановки и влияния исторической динамики.

Некоторые авторы с удовольствием цитировали В. О. Ключевского по поводу черт русского человека, вытекающих из природно-климатических условий: неизбалованность, выносливость, осмотрительность, окольный путь к цели, замкнутость, осторожность, необщительность, смелость, находчивость, наблюдательность, долго готовиться и быстро делать и т.д. Классик также писал, что огромные территории сформировали широту, удаль, щедрость, свободолюбие, беспечность, слабую самодисциплину, лень, недостаток инициативы. Сопоставление семантики широкого набора известных черт русского народа указывает на то, что все они конкретизируют смысловое поле архетипических образов Души, Достатка и Воли².

¹ См.: Аксютин В. «Бог и Отечество – формула русской идеи» // Москва. – 1993. – № 1. – С. 120 - 127; Буданцев Ю. П., Большаков В. И. Соборность российской государственности: Историко-социологический анализ. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1999. – С. 15 - 23; Лубский А. В. Россия как цивилизация: многомерный конструкт исследования; Троицкий Е. С. Соборная сила многонациональной России. – М.: [б. и.], 1995. – 36 с.; Черныш А. М. Социально-философский анализ национального характера русского народа в трудах отечественных мыслителей (XIX–первая половина XX вв): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2012. – С. 10 - 11.

² Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти томах. – Т. I. Курс русской истории. – Ч. I. – М.: Мысль, 1987. – С. 315 - 317; Захаров П. Я. Терпение как ментальное свойство русского народа: причина и следствие: дис. ... канд. филос.

В контексте обращения к историческому знанию о российской цивилизации исследователи достаточно часто уточняли содержание таких коллективных автоматизмов, как: державность – символизирующей приоритет государственного начала в идеологии и политике центральной власти¹; этатизм – как принцип взаимодействия государства и общества, патернализм – как принцип взаимодействия государства и индивида; экстенсивизм – как принцип взаимодействия государства, общества и природной среды²; патронат – как принцип построения взаимоотношений внутри социальной группы; мессианство – как принцип взаимодействия государства, общества и внешнего мира, выразившийся в идеях – святой Руси, Третьего Рима, триады православие – самодержавие – народность, коммунизма.

Авторы отмечали трепетное отношение русских к Правде, первоначально символизирующей в этническом самосознании Христа³, а затем – олицетворение всего положительного. В русском языке исторически сложилась группа родственных понятий: правь, правдивый, правдоподобный, правдоискатель, право и другие. Быть праведным означало быть мирянином, жизненный путь, отдельные мысли и поступки которого с благоговением воспринимались обществом. Образ Правды конкретизировался в стереотипном мотиве справедливости, который в широком смысле представлялся должным, соответствующим взглядам индивида или социальной группы на сущность человека и его неотъемлемые права⁴. В течение длительной и бога-

наук. Горно-Алтайск, 2007. – 164 с.; Солманидина Н. В. Ключевский как историк российской ментальности. – Пенза: Изд-во ПГУАС, 2007. – С. 55 - 58.

¹ Майминас Е. З. О социально-экономических особенностях развития России // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С. 118.

² Культурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под науч. ред. проф. Г. В. Драча. – С. 455.

³ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. – М.: МИРОС, 1998. – С. 33 - 116.

⁴ По мнению Игумена Вениамина (Новика) русский человек при существовании двух типов справедливости: уравнительной и распределительной, признаёт первый тип (Новик Вениамин (игумен). Что такое «русская

той сюжетами истории поисков правды в справедливости в российском социуме сформировались поведенческие ориентации: на максимализм, доходить до крайностей на пути к высшим ценностям, внутреннее ценностное понимание границы между хорошим и плохим, названное совестью.

Параллельно с утопичной справедливостью сформировался стереотип «двоемыслия» как продукт повторявшихся суровых

На Руси (Душа народа)

худ. М. В. Нестеров

уроков рассогласованности между должным и обстоятельствами его исполнения. Проявления двоемыслия были известны во всех сферах жизни, например: в сосуществовании обрядового православия и отправлений языческих культов; в принятии планов, но оценке деятельности по фактическим результатам; в ценности не конечных результатов, а самого процесса продвижения к ним и ещё во многих формах, имитировавших следование идеалу справедливости, сложившемся в конкретное историческое время и в конкретной социальной группе¹.

В объяснении истоков стереотипов исследователи не всегда удачно выбирали угол зрения. Так, в поиске следов присутствия

идея»? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2007. – Вып. 2. – № 8. – С. 42.

¹ См.: Хлопин А. Д. Феномен двоемыслия: Запад и Россия (особенности ролевого поведения) // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 49 - 60.

в менталитете таких чувственных форм, как радость, счастье и страдания, А. А. Григорьева нашла причину русского «авось» в счастье, доставшемся по глупому случаю, по милости судьбы¹. Очевидно, что этот вывод, опирающийся лишь на возможное эмоциональное восприятие удачного (или неудачного) завершения трудно прогнозируемого события, не совсем убедителен. Полагаем, адаптивное начало стереотипа «авось»-поведения следует искать в сложных для крестьянского земледелия природно-климатических и других условиях. «Частица «авось», – замечает М. Б. Молотков, – противоречива. Она и предупреждает о том, что нельзя надеяться на случайность, и явно исходит из того, что случайность в жизни людей имеет большое значение и надо всегда быть готовым к столкновению с нею. Она формирует понимание вероятностного подхода к жизни, к событиям, в которых часто сталкиваешься с известной неопределенностью результатов»².

Русские люди добросовестно и безвозмездно трудятся, если в обществе есть нравственная идея, праведная цель.

Фридрих Гегель

Не вызывает сомнений, что представленная композиция стереотипов менталитета русских имеет самый общий и лаконичный вид. Однако и она будет не завершённой, если не учитывать область подсознания индивидуума, где бессознательное соприкасается с осознаваемым уровнем восприятия действительности. В аналитической психологии этой психической инстанции, условно названной З. Фрейдом «цензурой»³, приписывались две основные функции: вытеснение в область бессознательного неприемлемых и внутренне осуждаемых личностью собственных чувств, мыслей и сопротивление активному бессознательному, стремящемуся проявиться в сознании. Ука-

¹ Григорьева А. А. Указ. соч. – С. 14.

² Молотков М. Б. Указ. соч. – С. 11.

³ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / Пер. с нем. Г. В. Барышниковой. – М. Наука, 1989 – 456 с.

занная область охватывает автоматизмы подсознания индивидуума (неосознаваемые установки, автоматизмы психологической защиты и психофизиологические автоматизмы), которые в совокупности представляют механизм образования ментальностей социальных групп. Она интересна историку тем, что здесь сосредоточены неосознаваемые побудители к действиям, как правило, выпадавшие из объяснительных схем (см. рис. 1).

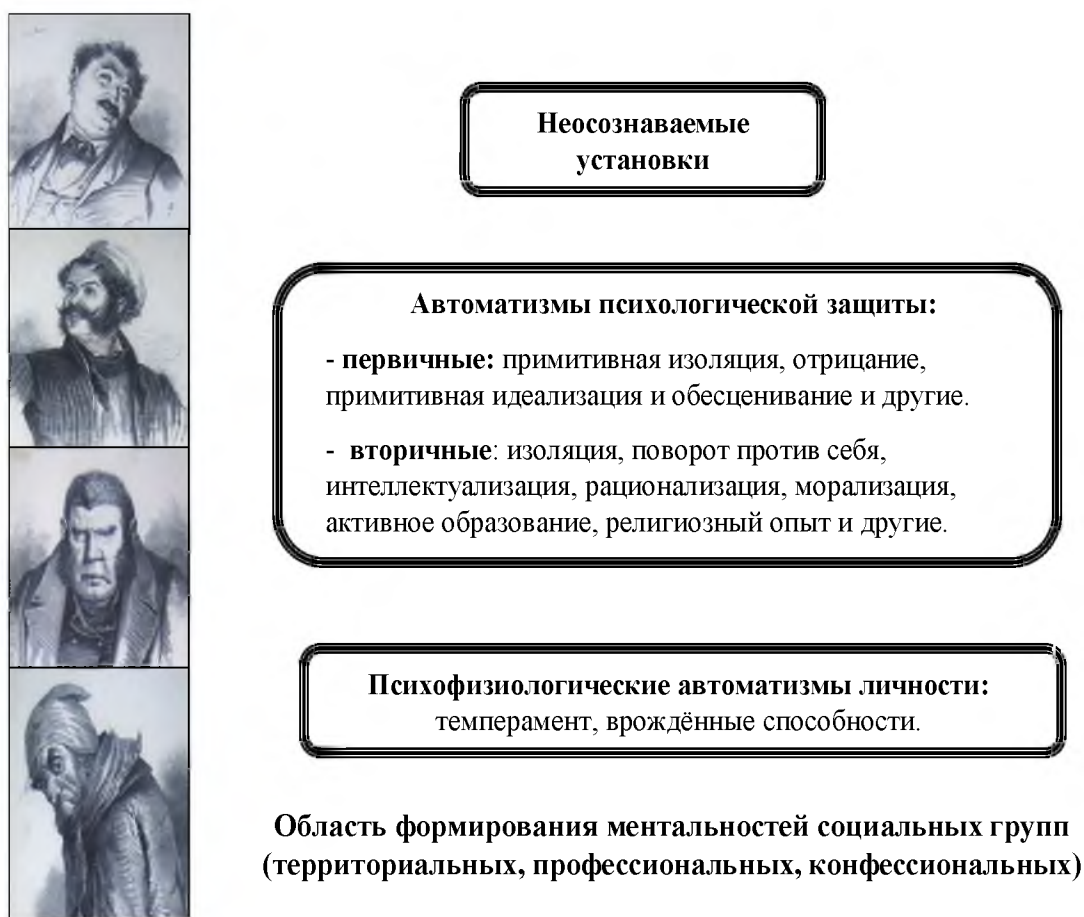

Рис. 1. Подсознательные автоматизмы индивидуума (побудители деятельности)

Переходя к повествованию о месте психофизиологических автоматизмов личности в ментальности, отметим их высокую зависимость от прижизненных обстоятельств, переживаемых человеком в течение первых 10 лет, то есть в период формирования и интенсивной адаптации психики ребёнка к социальному окружению. Этот этап жизни отличается активными процессами в эволюции его мышления: переходом от мифа к логи-

ке, появляется индивидуальный рисунок динамики протекания психических процессов, темперамент и доминанта в межполушарной асимметрии мозга¹.

Исследователи не располагали точными сведениями о том, какие пропорции между типами темперамента характерны для представителей того или иного этноса в целом, однако по интенсивности их повседневной внешней моторики невооруженный взгляд непременно определял нахождение исходной природной зоны местожительства. Высказанное В. Н. Ильиным предположение о том, что суровый климат, требующий экономного расходования сил, обуславливал «уравновешенный, спокойный темперамент, характерный для русских»², было убедительно с позиции второго закона термодинамики³.

Для описания ментальностей использовалась ещё одна гипотеза – о фундаментальных типах мышления, связанных с межполушарной асимметрией головного мозга⁴. Данные психологических исследований с точки зрения гендерности позволяли считать, что среди женщин больше лиц с правополушарным типом, чем среди мужчин⁵, а русские характеризовались доминирующими свойствами интуитивно-чувственного интроверта⁶.

Физиологическое обоснование существования интровертного типа мышления и его разновидностей дал в своё время К. Г. Юнг, отметивший, что интровертивная установка лично-

¹ Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Указ. соч. – С. 41.

² Ильин В. Н. Манифест русской цивилизации / Предисл. Г. Г. Малинецкого. – М.: Либроком, 2009. – С. 10 - 18.

³ Второй закон термодинамики связан с понятием энтропии – функцией состояния любой системы, определяющей меру необратимого рассеяния энергии.

⁴ Плебанек О. В. К вопросу о структуре ментальности. – С. 51 - 53.

⁵ Санжаева Р. Д., Дондуков С. Ц., Монсонова А. Р., Базарова Д. Р. Межполушарная асимметрия мозга как психологический механизм постнеклассической этнической картины мира личности в условиях евразийства // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2004. – № 1. – С. 69.

⁶ Вельм И. М. Указ. соч. – С. 21; Культурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под научн. ред. проф. Г. В. Драча. – С. 449.

сти направлена на созерцание своего внутреннего мира. Это иррациональный тип, делающий выбор из происходящего преимущественно на основании разумных суждений, а ориентирующийся по тому, что именно происходит в данный момент. Его отличает ценностно-эмоциональное восприятие окружающего пространства (характерны метафоры «сердце подскажет», «кордоцентризм»), которое может скрываться под маской сдержанности, безучастия, неуверенности или необоснованного смущения¹. Таким образом, «воспитывающие» индивидуума природная и социальная среды постоянно воспроизводят подсознательные психофизиологические автоматизмы, поддерживающие когда-то тонко настроенную в сознании русских гармонию архетипических образов и стереотипов. Для историков указанные знания могли служить важным подспорьем для аналитических построений историко-психологического фона реалий.

Не менее важным «цензором», избирательно влиявшим на поведение отдельных исторических персонажей и общество в целом, назывались автоматизмы психологической защиты. Психологи относили к ним эмпирически выделяемые психические состояния, реакции, установки, черты характера, помогавшие человеку справляться с тревогой, чувством вины, а также разрешать конфликты, преодолевать фрустрацию (негативное психическое состояние: страх, гнев, чувство вины, стыда и т.д., возникающие в ситуации невозможности удовлетворения тех или иных потребностей²) или страх «перед разрушительными и безоговорочными притязаниями инстинктов бессознательного, которые руководствуются только принципом удо-

¹ Юнг К. Г. Психологические типы. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 201 - 217; Богомаз С. А. Психологические типы К. Г. Юнга, психофизиологические типы и интертипные отношения. – Томск: Изд. ТГУ, 2000. – С. 6 - 8.

² Котенева А. В. Психологическая защита с позиций христианской антропологии: автореф. дис. ... д-ра психолог. наук. – М., 2010. – С. 20.

вольствия»¹. Внешние формы проявления защитных механизмов отличаются разнообразием и реализуются в реакции на конкретную жизненную ситуацию. Они достаточно свободно считывались из содержания источников, особенно личного происхождения, благодаря тем аналитическим навыкам, с помощью которых образованная аудитория научилась выделять по внешности индивидуальность персонажей из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя.

Следует отметить, что обычно для разрешения конфликта подключаются сразу несколько защитных механизмов, которые в действительности призваны исказить, отрицать, трансформировать или фальсифицировать восприятие реальности, чтобы сделать тревогу менее угрожающей для индивидуума². Так, Е. Л. Лукьяновой удалось выделить отличающиеся группы психологических механизмов, доминировавшие в начале 2000-х гг. у русских и китайских студентов³. В этом отношении показательна и трактовка Е. А. Горяченко религиозного опыта⁴, который приобретают и личность, и социальная группа, обращаясь к каноническим текстам. Религиозный опыт сопровождают такие механизмы, как: аскетизм (добровольный отказ от жизненных удовольствий), морализация (поиск морального оправдания и долженствования), расщепление Эго (приписывание хороших или плохих валентностей всему окружающему миру), изоляция (отчуждение от окружающего мира) и многие другие. В конфессиональных средах внимание священнослужителей и

¹ Назарова И. Э. Защитные механизмы. [Электронный ресурс] – URL: http://vitbin.net/lib/psihologiya/235_Nazarova_-_zahhitnye_mekhanizmy.txt (дата обращения 22.09.2011).

² Дёмина Л. Д., Ральникова И. А. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности. Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. го– С. ун-та, 2000. – С. 51 - 86.

³ Лукьянова Е. Л. Этнические проявления психологической защиты: на примере изучения русских и китайских выпускников вузов: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. – Хабаровск, 2006. – С. 12 - 21.

⁴ Горяченко Е. А. Методология психоаналитического исследования религиозного опыта в концепциях классического и постнеклассического психоанализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Владивосток, 2011. – С. 23.

паствы осмысленно направлено к общим для человечества ценностям и порокам, таким способом они интуитивно апеллируют к архетипической идее обращённости к прошлому или будущему¹.

В идее Бога как абсолюте душевных исканий живет человек в своих лучших нравственных, эстетических, религиозных исканиях.

В. К. Трофимов²

Передний край ментальных автоматизмов (область предсознания), непосредственно соприкасающийся с уровнем осознанного, занимают неосознаваемые установки индивидуума, подробно изученные представителями грузинской психологической школы Д. Н. Узнадзе. Под установкой понималось «специфическое состояние, возникающее у субъекта под воздействием объективной ситуации удовлетворения потребности»³, то есть это состояние неосознаваемого выбора решения, в результате которого блокируются или открываются некоторые пути взаимного влияния неосознаваемых психологических автоматизмов и логики мышления. Установки как бы открывают

¹ Всё сказанное выше в историко-психологическом контексте формирует общее представление об истоках православной этики, аксиологический аспект содержания которой традиционно является предметом богословской мысли, волновал умы представителей русской исторической науки и историософии, и в современной его версии изложен С. З. Гончаровым в следующем виде: «религиозный опыт при всём его многообразии заключается в воле к совершенству. Совершенство познается себе подобным, совершенным же чувством – любовью. Любовь есть непосредственное переживание совершенного, она учит нас, как отмечал И. А. Ильин, «увидеть лучшее, избрать его и жить им». Любовь ищет достойный предмет и направляет им мышление к объективной истине, волю к добру, созерцание к красоте. Вера соединяет три проекции совершенства (истину, добро и красоту) в целое. Если любовь воспринимает совершенство эмоционально-целостно, то вера – духовно целостно». (Гончаров С. З. Логико-категориальное мышление: онтологический, гносеологический и аксиологический аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2007. – С. 368).

² Трофимов В. К. Указ. соч. – С. 44.

³ Узнадзе Д. Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; под ред. И. В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – С. 73.

выход архетипическим образам и стереотипам в пространство осознаваемых символов и смыслов, но пропуская их уже в трансформированном варианте – в виде ментальностей социальных групп. Таким образом, ментальность социальной группы представляет собой иерархически упорядоченную систему сходных неосознаваемых мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами деятельности, проявляющуюся у её членов благодаря сходству защитных механизмов, приобретённых в условиях специфики общей среды жизнедеятельности: территориальной, профессиональной или конфессиональной, выступающей видовым признаком ментальности (например, ментальности: сибирская, городская, чиновников и т.д.).

В историографии можно встретить ссылки на авторитеты основателей французской школы «Анналы» М. Блока и Л. Февра, которые в полемике упрекали историков-позитивистов в их наивном убеждении, что добросовестно пересказывая источники, они действительно пишут историю «как она есть». Чтобы понять логику прошлого, утверждали они, следует «проникнуть в глубины сознания людей, усвоить символы их веры ... понять эпоху, как бы из неё самой»¹. В данном контексте ментальность как метод историко-психологической реконструкции существенно усиливает методологический инструментарий исследователя, поставившего цель писать историю «какой она была».

Заключение по главе III

Изложенное в главе III позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период история как тип когнитивной исследовательской деятельности широко использовалась в референтных областях знаний в целях изучения проблемного поля менталитета русских. С её помощью приумножался объяснительный потенциал собственно исторического знания о россий-

¹ Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И. Указ. соч. – С. 154.

ской цивилизации за счёт поступления аналитического ресурса из соответствующего сегмента междисциплинарной сферы, а также обнаружались лакуны в понимании и обосновании структуры этнического менталитета, адекватной историческим реалиям.

Руководствуясь положениями теории К. Г. Юнга об архетипах, многие авторы локализовали менталитет в архетипических формах врождённого коллективного бессознательного. Последние, по их убеждению, обуславливают специфику многочисленных коммуникативных каналов, структуры и внутреннего содержания, в первую очередь этнической среды как ядра социальной системы общества, изначально представляющей собой продукт психологической адаптации населения к историческим событиям и другим внешним и внутренним факторам жизнедеятельности в пределах общей территории с особыми свойствами биосферы.

Проведённый с помощью конкретно-исторических методов анализ проблемного поля менталитета и сформулированные на его основе выводы указывают на идентификацию свойств российской цивилизации компонентами структуры менталитета титульного этноса, представленной нами в координатах традиционного троичного мышления в виде особенной конфигурации архетипических образов и неосознаваемых стереотипов.

С помощью историко-сравнительного метода изучена практика разграничения смыслов между родственными понятиями «менталитет» и «ментальность», между понятиями «менталитет» и «культура», получившая обоснование в социально-гуманитарных науках, и главным образом – в исторической антропологии.

Позиционирование ментальности как метода историко-психологической реконструкции субъектов российской истории получило глубокое обоснование в трудах А. Я. Гуревича, называвшего первой проблемой любого исторического исследования построение предварительной рабочей модели ментально-

сти рассматриваемой эпохи, на фундаменте которой возможно рассмотрение собственно темы.

Изучены предметные подходы к определению «плана содержания» ментальности и способов обнаружения его проявлений, которые бы позволили чётко выразить их место в составлении психологического, а следовательно и любого – по сферам деятельности (политического, экономического и иного) портрета интересующего исторического периода. Учёные пользовались широким не систематизированным набором критериев идентификации ментальностей, в качестве которых нередко ошибочно принимали проявления осмысленного поведения и логического мышления.

На основании систематики менталитета и выявленных историко-психологических характеристик русских сделан вывод о том, что ментальность социальной группы представляет собой иерархически упорядоченную систему сходных неосознаваемых мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами деятельности, проявляющуюся у её членов благодаря сходству защитных механизмов, приобретённых в условиях специфики общей среды жизнедеятельности: территориальной, профессиональной или конфессиональной, выступающей видовым признаком ментальности.
